

В то же время температура вокруг резко упала, а в ноздри Се Шэна въелся запах, похожий на вонь гниющего трупа.

— ...

Сейчас Се Шэну хотелось не только взорвать магазин, но и найти управляющего, чтобы выплеснуть всё это ему в лицо.

Он глубоко вздохнул.

Се Шэн подумал про себя: так и есть.

Стоило ему прикрыть левый глаз, как «Магазин дневного света» в поле его зрения мгновенно возвращался к нормальному виду: изобилие товаров, покупатели, делают покупки, продавец пробивает чеки, за окном красивый пейзаж.

Но стоило закрыть правый глаз, как перед ним появлялась вся эта хтоническая, проклятая хрень.

Так и есть.

С тех пор как Се Шэн вычислил условие прохождения, он непрерывно размышлял, как именно сбор «всех черт лица» связан с психическим заражением.

Раз сбор всех черт лица Жэнь Цинцин — это условие прохождения, значит, психическое состояние «игрока» неизбежно должно быть тесно связано с этим основным заданием.

Возможно, между ними даже есть прямая зависимость: например, чем больше органов собрано, тем сильнее психическое заражение.

Но тогда возникал следующий вопрос: как именно эта аномальная область заражает психику игрока? Почему заражает? Через что заражает?

Когда он брал глазное яблоко из шкафа с молоком, в голове Се Шэна мелькнула догадка.

Черты лица.

Черты лица и восприятие чрезвычайно важны для психического состояния человека.

Например, в системе Лавкрафта неизвестное является главным источником страха, и стоит человеку лишиться всех чувств, как мир из понятного превратится в необъяснимый.

Поэтому Се Шэн проявил осторожность и не стал сразу отдавать кукле оба глазных яблока.

Лучше перестраховаться. Если бы он перестраховался понапрасну, то в следующий момент передачи смены в «Полуночном магазине» мог бы просто отдать кукле второе глазное яблоко. Но если догадка верна, лишиться зрения и оказаться в состоянии неизвестности было бы слишком опасно.

Так и есть.

Он перестраховался не напрасно.

Стоило вернуть Жэнь Цинцин нос и один глаз, как зрение его левого глаза и обоняние в «Магазине дневного света» оказались сильно ограничены.

Значит, тот одарённый С-класса погиб от психического заражения вовсе не потому, что был слаб. Просто это казавшееся простым условие прохождения на самом деле таило в себе ловушку.

Нужно не только найти и вернуть все черты лица, но и отдать Жэнь Цинцин соответствующие им чувства!

Вот каков был способ «Полуночного магазина» заражать психику игрока!

Только сейчас он получил по-настоящему полное условие прохождения.

Впрочем, сойдёт.

К счастью, первым делом он отдал нос и один глаз.

Если не считать тошноты, влияние на обоняние было наименьшим.

Но на всякий случай Се Шэн зажал нос, превратился в «одноглазого дракона» и, продвигаясь вперёд в поисках улики, делал скриншоты со всех ракурсов через [Ctrl+S], чтобы сохранить снимки на случай, если позже совсем потеряет способность видеть настоящий магазин.

Он внезапно вспомнил.

В первый день купить сырный хлеб ему посоветовал продавец.

Во второй день купить обработанное молоко посоветовала мама из пары матери и дочери.

Точно.

Магазин такой большой, а его время пребывания здесь и баланс банковской карты ограничены. Аномальная область обязана давать подсказки, она не могла заставить его гадать наобум при выборе товаров.

В вечерний час пик покупателей в магазине было немало, и Се Шэн изо всех сил прислушивался к их разговорам.

— Тот, что справа, с молочным ароматом, вкуснее. Я вчера покупала, он ещё тёплым был.

— Да? А я вчера купила тот, что слева, он немного хрустел, не знаю, может, подгорел.

Се Шэн вслед за ними взял пакет запечённого хлеба.

— Эта партия наушников со скидкой, есть красивые?

— Ты же только что купила одни.

— Скидка огромная! Всё равно ведь наушники, если часто пользоваться, выходит недорого.

Се Шэн, держа корзину для покупок, вслед за ними добавил пару наушников.

Ну и дороговатища.

Он взглянул на цену: это обойдётся ему в 60 юаней.

— Сяо Юй, у неё ведь скоро день рождения? Я в последнее время так занят, сдаю проект в

срок, но халявить нельзя, надо отвечать перед людьми, вот и нет времени сходить за подарком в другое место. Какой торт ей нравится, у вас есть такой?

— Есть! Рекомендую новый черничный торт! Ей очень нравятся всякие снеки со вкусом черники, но она говорила мне, что черника слишком дорогая, ей не по карману, она её давно не ела.

Се Шэн добавил в корзину кусочек черничного торта.

— Дорогой, эти два геля для душа оба так вкусно пахнут, какой мне выбрать?

— Тогда бери оба, парами брать к удаче.

Се Шэн бросил два флакона геля для душа в корзину: ...Транжира.

...

...

Он оценил оставшееся время и сумму, необходимую для покупки товаров, решил закончить сегодняшние закупки и пошёл к кассе.

Но, к несчастью, продавец, похоже, был занят другим делом, и кассовый аппарат самообслуживания, которым Се Шэн пользовался ранее, оказался чем-то накрыт.

Се Шэн присмотрелся: это были рождественские плакаты.

В Ичэне много университетов, и они привлекают много иностранцев, так что празднование Рождества в местных магазинах не было редкостью.

Но ты не мешай мне пробивать чек, братан.

Се Шэн смотрел, как один продавец обслуживает покупателей, а второй собирает и расклеивает эти плакаты.

Если бы Се Шэн не находился сейчас в бестелесном состоянии, он бы сам вызвался помочь.

Се Шэн следил за балансом кошелька и одновременно наблюдала за движениями продавца.

Краем глаза он заметил, как продавец приклеил плакат, спустился с стремянки и подошёл за следующим.

Похоже, посчитав, что ходить далековато, он, уже залезши на стремянку, снова вернулся и забрал все оставшиеся плакаты.

Добрым людям долгих лет жизни.

Се Шэн тут же воспользовался самообслуживанием, отсканировал и оплатил все товары в корзине, а затем, пока баланс кошелька окончательно не обнулится, переступил порог «Полуночного магазина».

Словно на войне.

Суетливо работаешь, суетливо делаешь покупки, покупаешь только самое необходимое, а в

конце кошелёк всё равно пуст.

Ха-ха.

Се Шэну очень хотелось посмеяться.

[Ночь третьего дня]. Он продолжал ишачить в «Полуночном магазине». Когда в три часа ночи пришёл рабочий, Се Шэн снова недосчитал три юаня.

На этот раз рабочий сказал:

— Ты всё ещё пишешь дневник?

Эта фраза озарила Се Шэна. Он тут же вспомнил, как в первую ночь во время обыска нашёл в рюкзаке Жэнь Цинцин дневник, в котором были только даты и время.

В дневнике было семь дат.

А черт лица у человека, если считать глаза и уши за два органа, тоже ровно семь.

Раз условие прохождения не связано с рабочим, а слова рабочего в первые две ночи были правильными подсказками, значит, он хороший NPC.

Се Шэн поблагодарил его, тут же наклонился и достал из рюкзака тот дневник из человеческой кожи.

И точно, текст первых двух записей проявился.

[16 декабря 2024 года · Дождь]

Выпустилась.

На улице идёт холодный дождь, в комнате тоже холодно.

Я разослала больше сотни резюме, ни на одно нет ответа.

Сбережений у семьи и так было немного. Хотя я получала стипендию, расходы на жизнь всё равно вылились в приличную сумму.

Папа с мамой всё-таки сцепили зубы и оплатили мою учёбу в Ичэне.

Они говорят: «Не торопись, всё придет», но я знаю, что они выплачивают долги.

Они вложили в меня столько денег и надежд, говорили, что я единственная в деревне поступила в университет, принесла честь предкам.

Но после выпуска я не могу найти даже работу.

Я не смею сказать им, что тревога сжимает мне горло так, что трудно дышать.

Как же всё-таки найти работу.

[25 декабря 2024 года · Снег]

Рождество.

Снег шёл весь день, на улице светло как днём.

Я вспомнила прошлогоднее Рождество в Ичэне.

Почти все вокруг собирались компаниями, обменивались подарками, катались на лыжах, а я одна свернулась калачиком на узкой койке в общежитии.

Боялась выйти, боялась потратить лишнюю копейку.

Рождественские скидки в супермаркете выглядят так заманчиво, но я смею купить только самый дешёвый лапшичный блин.

Папа с мамой тогда ещё выплачивали долги в нашем маленьком городке, выплачивают и сейчас. Я помню дату каждого их перевода.

Помню, как стояла перед кассой в супермаркете десять минут, колеблясь, потратить ли двадцать юаней на шарф.

В итоге так и не купила.

Я всё ещё не могу найти работу. Кто-нибудь, спасите меня.

---

Се Шэн перелистнул страницу дальше. Дата там стояла: [1 января 2025 года · Ясно].

Содержимого не было. И вправду: сколько органов он для неё находил, столько записей дневника и проявлялось.

Се Шэн перечитал эти две страницы ещё раз и вдруг понял, почему последняя фраза в [описании заявителя] была бессвязной: «Я хочу работать».

Работать.

Работать.

Се Шэн покачал головой и убрал дневник обратно в рюкзак.

Около четырёх часов утра пришёл заказ на доставку.

Се Шэн взглянул на список: два товара совпадали с теми, что он купил утром.

Два геля для душа соответствовали двум ушам, а в запечённом хлебе был спрятан язык.

Се Шэн дождался семи утра и передал левое ухо и язык Жэнь Цинцин, заработав [200 юаней].

[День четвёртого дня]. Се Шэн пришёл в «Магазин дневного света» и, как и прежде, плелся за покупателями: что покупали они, то покупал и он.

Заплатив деньги, Се Шэн с остатком баланса в [120 юаней] вернулся в «Полуночный магазин».

[Ночь четвёртого дня]. Се Шэн рассчитал клиентов у кассы, а затем открыл дневник Жэнь Цинцин.

Как и ожидалось, обновились две новые записи.

[1 января 2025 года · Ясно]

Новый год.

Я не смею вернуться домой.

Однокурсники развлекаются, встречают Новый год, а я одна прячусь на скамейке в парке.

Скоро нужно идти на собеседование на временную работу в магазин, в ночную смену.

Почасовая оплата невысокая, но хотя бы... кто-то готов меня взять.

Смогу помочь семье хотя бы немного.

Вдруг захотелось плакать. Не от обиды, а оттого, что наконец-то можно перевести дух.

[3 января 2025 года · Облачно]

Сегодня официально выхожу на работу.

Свет в магазине слишком яркий, белый до рези в глазах, а на улице весь день пасмурно.

Ночью покупателей немного, я сижу у кассы и смотрю, как поочерёдно гаснут фонари на улице.

Беззаботные дни учёбы кажутся целой жизнью назад, словно долгим сном, от которого не осталось и следа.

В день выпускного я ещё питала иллюзии насчёт будущего, думала, что если стараться, то смогу найти свой путь.

А теперь каждый день только и делаю, что считаю сдачу, сканирую штрихкоды, убираюсь и пополняю полки.

Двадцать юаней в час, за месяц едва набирается три тысячи. В этом городе с безумно высокими ценами можно ли... можно ли выжить?

Нет, нельзя просто выживать, нужно ещё копить деньги, чтобы помочь семье выплатить долги.

Скоро день рождения.

Сколько уже я не праздновала день рождения?

Не смею сказать друзьям, иначе придётся угощать их обедом и дарить ответные подарки.

Так тяжело.

Искать работу так тяжело.

Работать так тяжело.

Жить так тяжело.

---

«Почасовая оплата» за его собственную работу составляла шестьдесят юаней — должно быть, потому что его течение времени было в три раза быстрее обычного.

Се Шэн закрыл дневник.

Если рассуждать рационально, эти две записи не несли никакой пользы. Но чисто эмоционально они ощущались чересчур реалистичными.

Се Шэн подумал, что ему повезло с заторможенностью собственных эмоций. Фу Ханьхай изо дня в день твердил, что он похож на человека-робота, а окажись на его месте в этой аномальной области кто-то другой, он легко мог бы поддаться влиянию этих простых, но искренних слов и провалиться в замкнутый круг тяжёлых переживаний.

Се Шэн вздрогнул от внезапного осознания: возможно, этот дневник и всё, что произошло с девушкой по имени Жэнь Цинцин, тоже были одним из способов этой аномальной области усиливать «психическое заражение».

Настолько реалистично, что человек невольно примерял это на себя, испытывая тяжесть и даже отчаяние.

Он убрал дневник в рюкзак и больше не стал его перечитывать.

В три часа ночи ровно вовремя пришёл рабочий.

Се Шэн снова сделал ему скидку на 3 юаня. На этот раз фраза, которую тот оставил, звучала так:

— Спасибо. Я знаю, что ты всё время помогаешь мне.

Се Шэн понял, что эти слова предназначались Жэнь Цинцин.

После того как рабочий ушёл, поток покупателей заметно поредел.

Се Шэн сел на рабочее место и начал восстанавливать ход мыслей.

Сейчас [ночь четвёртого дня]. К концу этого временного отрезка, то есть к семи утра при передаче смены, Се Шэну нужно будет отдать Жэнь Цинцин все оставшиеся органы.

Потому что в следующий раз Жэнь Цинцин появится только по окончании [ночи пятого дня].

Однако, согласно [описанию заявителя], завтра — то есть в [ночь пятого дня] — появится сплющенное лицо рабочего, после чего психика продавца окончательно разрушится.

К настоящему моменту Се Шэн отдал Жэнь Цинцин: левый глаз, левое ухо, нос и язык.

Среди уже найденных им оставались: правый глаз и правое ухо.

Иными словами, среди товаров, купленных им сегодня днём вслед за покупателями, должен был оказаться рот.

Судя по всему, задание этой аномальной области скоро будет завершено.

Се Шэн зевнул. Его клонило в сон, хотелось лишь поскорее выбраться отсюда, нормально вымыться и лечь спать.

В четыре тридцать утра заказ на доставку прибыл точно по расписанию.

Се Шэн бросил взгляд на экран, и сонливость с него как рукой сняло.

В заказе не было ни одного товара, который он покупал сегодня днём или в прошлые два дня в «Магазине дневного света».

— Как такое возможно?!

Се Шэн нахмурился.

Неужели сегодня будет второй заказ на доставку?

Он собрал вещи по порядку, сверяясь с заказом на экране. Как и следовало ожидать, без товаров, купленных им днём, не было и ни одного органа Жэнь Цинцин.

Как и в предыдущие дни, он выложил пакет с оформленным заказом в зону выдачи, откуда его забрал курьер, сплошь окутанный тенями.

Однако Се Шэн прождал ещё несколько минут — а это несколько десятков минут по времени «Полуночного магазина», — но второй заказ так и не поступил.

Се Шэн поднял глаза: часовая стрелка уже указывала на пять сорок.

До прихода Жэнь Цинцин оставался час и двадцать минут, то есть одна шестая часть — у Се Шэна в запасе оставалось всего двадцать минут.

Почему нет рта?

Где рот?!

В реальном мире куча народа без рта ходит, неужто и у аномалий рта нет?!

Се Шэн вышел из-за кассы и потянулся к товарам на полке.

Они по-прежнему стояли нешелохнувшись, словно гора.

Се Шэн замер на месте, молча разглядывая обстановку магазина, а его мозг работал на предельной скорости.

Этот «рот» ни за что не мог остаться без единой зацепки, он наверняка скрыт в каких-то деталях, которые он упустил из виду.

Стоя перед кассой, он первым делом детально вспомнил сегодняшнюю полуденную смену.

Сначала он вслед за семейной парой взял несколько предметов первой необходимости, вслед за ребёнком — канцтовары, а вслед за студенткой — стакан молочного чая.

Се Шэн посчитал его очень вкусным.

Настолько, что даже забыл заплатить, продолжая попивать чай и изображать хвостик, а затем вслед за пожилой бабушкой взял пачку семечек. И только после этого, внезапно опомнившись, помчался к кассе, чтобы доплатить за наполовину выпитый чай в руках.

Сегодня он действительно накупил немало вещей, и всё это были мелкие, дешёвые повседневные товары.

Память у Се Шэна всегда была отличной: он прокрутил всё в голове ещё раз, но так и не обнаружил ничего странного.

Он слегка нахмурился.

Часы над головой показывали шесть двенадцать.

Оставалось восемь минут.

Как назло, беда не приходит одна: в этот момент вошла покупательница с двумя детьми. Мальчик капризничал и требовал купить торт, девочка капризничала и рвалась домой, поэтому мать попросила Се Шэна скорее пробить чек. Девочка плакать перестала, зато мальчик закатил истерику с новой силой, вцепившись в мать и не давая ей расплатиться.

...Неудивительно, что у этой мамы нет ушей, а из двух кровавых дыр всё ещё кап-кап капает кровь. Будь у меня такой несносный ребёнок, я бы себе тоже уши отрезал.

Се Шэн не хотел вмешиваться, но мать настойчиво требовала рассчитать её. Едва мать собиралась достать кошелёк, как несносный ребёнок начинал завывать и силком тащил её к тортам. Се Шэн хотел отойти, но заплакала девочка, и мать снова потребовала пробить чек.

Се Шэн: ...

Се Шэн наклонился и сказал обоим детям:

— Знаете, в будущем вы станете столпами и зданием нашей родины.

Он сказал девочке:

— Ты — здание А.

Затем повернулся к мальчику:

— А ты — здание Б.

Мальчик: ?

На мгновение мальчик завис, и Се Шэн, воспользовавшись паузой, ловко и быстро рассчитал их мать.

А затем, не обращая внимания на опомнившееся семейство, разразившееся ещё более оглушительным рёвом, он заблокировал экран кассы и собрался было снова подойти к полкам, чтобы всё обдумать.

Се Шэн сделал всего шаг и резко замер.

Он повернул голову.

Взгляд упал на экран кассового аппарата, и Се Шэн тут же извлёк из памяти снимок, сохранённый через [Ctrl+S] во время вчерашнего расчета в «Магазине дневного света».

Он сделал два снимка, потому что при первой попытке ему не удалось расплатиться на кассе самообслуживания.

Кассовый аппарат был накрыт рождественскими плакатами.

Рождественские плакаты.

Се Шэна осенило, и он быстрыми шагами вышел из-за кассы.

«Магазин дневного света» и «Полуночный магазин» синхронизировались в реальном времени.

Вчера днём продавец наклеил рождественские плакаты, и вчера ночью в «Полуночном магазине» они тоже появились.

Се Шэн подошёл к ближайшему плакату, поднял глаза и принялся внимательно его разглядывать.

На плакате был изображён Санта Клаус в санях, а северные олени несли его к жилым домам.

Вдоль дороги горели фонари с тёплым жёлтым светом, за санями громоздилась гора разноцветных подарочных коробок, а на самой верхней коробке красовался круглый логотип «Магазина Кайсинь», нарядно украшенный звёздами и лентами.

Совершенно обычная картина.

Се Шэн встал на цыпочки и досконально осмотрел каждый уголок — ничего подозрительного.

Плакатов было всего четыре, и он перешёл к следующему.

Часы показывали шесть сорок две.

На втором и третьем плакатах аномалий тоже не оказалось.

Се Шэн вернулся, чтобы рассчитать одного покупателя.

Стрелка часов медленно миновала шесть пятьдесят.

То ли в аномальной области произошли изменения, то ли под воздействием психического заражения начались галлюцинации, но Се Шэн смутно разглядел за окном рассвет.

Но ведь это «Полуночный магазин». По логике аномалии, здесь всегда глубокая ночь.

Если здесь вспыхнул свет, то во что превратится другой, «Магазин дневного света»?

В рассвет?

В закат?

Или... во время, которого не должно существовать?

У Се Шэна не было ответа.

Он смотрел в панорамное окно и с ужасом понимал, что этот луч света становится всё шире и шире.

Это не было постепенным рассеиванием естественного света — тонкая нить превратилась в щель, а затем разверзлась огромной трещиной.

Будто нечто изнутри небесного свода силой разрывало его наружу.

Будто чьи-то руки раздирали ночной покров, насильно прекращая [ночь].

Чёрт.

Се Шэн только сейчас заметил, что сам не понял, как засмотрелся на свет за окном, неестественно застыв на долгое время.

Он знал: каким бы стойким ни было его психическое состояние, на самом дне его души всё равно таилась капля тревоги, которую невозможно было игнорировать.

А психическое заражение этой аномальной области раздувало её до бесконечности.

Се Шэн не смел подумать — и не позволял себе думать, — останется ли его психика в норме, если он так и не найдёт все черты лица Жэнь Цинцин и в [ночь пятого дня] снова столкнётся с тем рабочим с плоским лицом.

Или, более того, останется ли он сам Се Шэном.

Се Шэн прекрасно понимал: психический распад — это вовсе не момент, когда «осознаёшь, что сошёл с ума». Когда ты это замечаешь, ты уже перестаёшь быть «собой».

Се Шэн мгновенно отбросил все посторонние мысли, прибавил шаг и подошёл к последнему плакату.

В центре плаката стояла красно-зелёная рождественская ель, рядом громоздились коробки с подарками с логотипом «Магазина Кайсинь».

Девочка с радостным видом сидела в воздухе, обнимая большую игрушку в виде северного оленя, а кружащиеся снежинки украшали всю композицию.

Очень уютно, красиво и по-рождественскому празднично.

Всё выглядело совершенно нормально.

Но Се Шэн всё равно с первого взгляда зацепился за то, что её губы были чересчур ярко-красными.

Цвет был намного темнее всей цветовой гаммы плаката, к тому же уголки рта были растянуты слишком широко, будто она изо всех сил пыталась изобразить идеальную улыбку во все тридцать два зуба.

Вот только в её улыбке, в её рту зубы нарисованы не были.

Се Шэн наклонился и пригляделся ближе.

Он увидел, что в улыбающемся рту девочки виднеется маленькая телесного цвета дуга.

Это вовсе не выпуклость типографского слоя, это был обрывок губы.

Светло-розовая, влажная, она плотно прилегала к щели улыбки.

Часы показывали шесть пятьдесят девять.

Так.

Так.

Так.

Секундная стрелка вращалась так быстро, что времени было не разглядеть: она неслась с шестикратной скоростью по сравнению со внешним миром.

Се Шэн резко протянул руку, сходу схватившись за эту «ниточку».

Ладонь прошла сквозь бумагу без малейшего сопротивления: казалось, он трогает не плакат, а приподнимает слой тёплой кожи.

А затем Се Шэн коснулся чего-то мягкого, липкого и шевелящегося.

Чёрт.

У Се Шэна снова приключился приступ брезгливости, и он чуть было не отбросил эту хрень прочь.

— Динь!

Часы указали на «7».

Се Шэн, пересиливая тошноту, резко дернул рукой и вытащил этот «рот».

Се Шэн опустил взгляд.

Губы слегка шевелились, зубов не было, а обнажившаяся ротовая полость была краснее человеческой и изображала гипертрофированную, жуткую улыбку.

— Дзинь — добро пожаловать!

Жэнь Цинцин — с одним глазом, одним ухом, носом и языком — вошла внутрь.

Се Шэн подошёл к ней, достал из кармана полиэтиленовый пакет со вторым глазным яблоком и ухом, а также вынул мокрый рот, зажатый в руке.

Жэнь Цинцин произнесла свою привычную реплику:

— Есть ли какие-нибудь замечания по сдаче смены?

Се Шэн протянул ей три имевшихся у него сокровища.

Жэнь Цинцин приняла их одно за другим и прямо на глазах у Се Шэна прикрепила к своему лицу.

А затем перевела Се Шэну [300 юаней].

— Спасибо, — сказал Се Шэн.

Он добавил:

— Удачи тебе.

И пусть в следующей жизни тебе повезёт переродиться получше.

Се Шэн достал бумажную салфетку, принялся остервенело вытирать руки — чуть ли не до сдирания кожи, — после чего подошёл к другой стороне и начал читать оставшиеся три записи в дневнике.

Он знал, что вместе с возвращением Жэнь Цинцин всех черт лица «Магазин дневного света» за дверью наверняка превратился в неопишемую, проклятую хрень.

Или, вернее, сам он не изменился, а изменилось лишь всё его «восприятие» магазина.

Впрочем, неважно. Когда он дочитает последние три записи и узнает историю Жэнь Цинцин, её жизнь, этой аномальной области придет конец.

Се Шэн опустил взгляд.

[5 января 2025 года · Облачно]

Сегодня приходил один ночной рабочий, он часто бывает здесь.

Он выглядел ещё более уставшим, чем в прошлый раз. Сказал, что на стройке горят сроки: зарплата низкая, а работы всё больше, спина болит так, что не разогнуться.

Он по привычке взял самую дешёвую сигарету.

Я не удержалась и спросила его: «Неужели нельзя хоть иногда покупать сигареты получше?»

Он усмехнулся: «Да где уж мне».

В тот миг я вдруг вспомнила папу.

Папа ведь точно такой же: как бы ни уставал, всегда говорит «всё в порядке», экономит на всём и жалеет денег на себя.

Пачка дешёвых сигарет раз в неделю — его единственное развлечение, единственный способ снять стресс, единственная надежда в жизни.

Уходя, ночной рабочий кивнул мне.

Всё так же осторожно, сдержанно улыбнулся.

У меня зацепило в носу.

[8 января 2025 года · Ясно]

В эти дни часто разговариваю с дядей Ваном.

Он неразговорчив, но когда речь заходит о семье, всегда улыбается.

Его жена несколько лет назад умерла от болезни, оставив дочь и четырёх стариков — всё держится на нём одном.

Он сказал, что болезнь его жены наследственная. Он боится, что дочь тоже заболеет, поэтому может только изо всех сил жилы рвать на работе, чтобы накопить побольше денег на случай, если у дочери не окажется средств на лечение.

Где тонко, там и рвётся.

Как тяжело.

Как тяжела жизнь.

У меня хотя бы есть родители, на которых можно положиться, а он — единственная опора для всей семьи.

Вечером хозяин магазина пришёл пьяным проверять чеки и вдруг заявил: мы, мол, удобный магазин, мы заведение высокого класса, сигареты не могут стоить как в уличной лавке, отныне за эту самую дешёвую марку бери на три юаня больше. Так мы ещё и заставим их покупать более дорогие сигареты.

Но я попробовала отсканировать штрихкод: система не обновилась, цена осталась прежней.

Я знаю, что мы сетевой магазин и на все товары установлена единая цена, поэтому система и не обновилась — хозяин просто взбунтовался по пьяни.

Но это значит... в складской системе этого не проверить, и в отчётах записей не будет. Неизвестно даже, вспомнит ли хозяин завтра то, что взболтнул под хмельком.

Я долго думала.

Всего три юаня.

Для него это, возможно, ещё один завтрак или сэкономленные деньги на метро.

Всего три юаня.

Всего три юаня.

[1 февраля 2025 года · Облачно]

Меня раскрыли.

Управляющий сказал, что я самовольно изменила цену.

Я долго объясняла, говорила, что та марка сигарет даже не обновилась в системе, и если клиент сделает заказ через мини-приложение, сведение счетов в системе не сойдётся. Неужели при получении товара нужно заставлять их доплачивать ещё три юаня?

Он даже головы не поднял и сказал: «Думаешь, эти рабочие умеют пользоваться мини-приложениями? Ты же студентка, неужели даже с этим разобраться не можешь?»

«Ты уволена».

Я умоляла его, правда умоляла.

Я не хочу возвращаться домой.

Дом слишком далеко, папа с мамой так тяжело трудятся, я не могу снова их разочаровать.

Я просто хочу работать, я хочу работать.

Он ведь прекрасно знает, что эти рабочие платят наличными, потому что не могут позволить себе дорогие телефоны. И всё равно накидывает цену.

Я не краду и не граблю, я просто помогла человеку сэкономить три юаня.

Всего три юаня.

Всего три юаня.

Я сказала, что возьму деньги, буду работать больше, буду трудиться на совесть, я умоляла его разрешить мне остаться.

Он не обратил на меня внимания.

Я хочу работать.

Я хочу работать я хочу работать я хочу работать я хочу ботать ботать я я я работать я ра хочу ботать ра хочу я работать хочу работать ботать хочу ботать работать ботать ботать ботать...

---

Начиная с предпоследней фразы почерк стал сбивчивым, строки сплошь перекрывали друг друга, словно разрываемые на части, перо пробивало бумагу, а чернила расплылись в сплошное кляксовидное пятно.

Се Шэн наконец-то понял, почему последняя фраза в [описании заявителя] изменилась на «Я хочу работать».

Потому что, когда не удавалось найти работу, небо, казалось, рушилось, когда работа нашлась, небо действительно рухнуло, а когда нашла работу и снова её потеряла — рухнуло не просто небо, рухнул сам душевный стержень человека.

Се Шэн перевел дух и закрыл дневник.

Он повернул голову, бросил взгляд на суetyщуюся фигуру Жэнь Цинцин и положил дневник на рабочий стол рядом с ней.

И снова мысленно повторил: пусть в следующей жизни тебе повезёт переродиться получше.

Се Шэн развернулся и пошёл к сенсорным дверям.

— Дзинь — спасибо за покупку!

Двери медленно разъехались, но за ними больше не было ни полок «Магазина дневного света», ни хтонической проклятой хрени, ни бескрайней пустой темноты.

Навстречу ему хлынул ночной ветер.

Мерцали звёзды и луна, уличные фонари отбрасывали тёплый жёлтый, но истинный свет, а в далеких жилых домах кое-где горели окна — тёплый дымок человеческого жилья,

символизирующий дом.

Вот он — знакомый мир людей.

Се Шэн занес ногу для шага.

Однако, ещё не успев выйти за сенсорную дверь, он внезапно о чём-то подумал, резко замер на месте, а затем развернулся и побежал в противоположную от человеческого мира сторону.

<http://bllate.org/book/20635/2066666>